

Морта

12+

Влад Борисов

Влад Борисов

Морта

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Борисов В.

Морта / В. Борисов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Начав службу в вооружённых силах, Василий не мог предположить, что цепь случайностей приведёт к приобретению им другой сущности, выкинувшей его за пределы нашей галактики, и одновременно открывшей большой мир без правительств и законов, но с собственными ловушками и опасностями, поджидающими легковёрных новых граждан. Планета с многообещающим именем Морта становится его первым испытанием в этом мире. Но кто-то же должен разгребать завалы нелюбезной истории, оставленные на таких планетах, о которых хочется всем забыть. И тем притягательнее становятся похороненные на них тайны, ради которых готовы идти на риск всё новые и новые соискатели.

Содержание

Конечная станция	6
Всё началось...	8
Проблемы	13
Боевые и другие действия	18
Лаборатория	20
Госпиталь	24
Объект исследований	28
Мезенцев	31
Профессор	33
Встреча с Егором	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

«В оформлении обложки использована фотография автора Linus Sandvide «Person holding torch in building interior» с <https://unsplash.com/search/photos/fantasy>»

Конечная станция

Нельзя постоянно жить, как приземлённое существо. Нет-нет да возникает чувство, что наше предназначение гораздо выше бытовых проблем и ежедневной рутины, что где-то рядом есть ждущий именно тебя мир, полный загадок и тайн.

Может поэтому мы любим обращать взгляд вдаль, туда, где нас подстерегает что-то неведомое, манящее смутными очертаниями фантастических форм, будто бы оставленное неизвестными цивилизациями, готовое открыть свои тайны только самым смелым.

А может быть в этих далях таится мечта о другом, более совершенном мире, в котором так хочется увидеть своё светлое будущее. Пытаюсь увидеть его хотя бы одним глазком. Приложив руку козырьком над глазами, всматриваюсь туда, где кромка неба падает на землю причудливыми изгибами, сливаясь с ней в ломанной линии горизонта.

Там, далеко-далеко, почти на горизонте, вырисовываются спокойные, залитые ровным светом холмы, манящие своей безмятежностью. А перед ними... Перед ними последнее пристанище всевозможной техники любых форм, размеров и назначения, каменные остовы давно покинутых зданий и величественных сооружений, превратившихся в ловушки подземных бункеров и просто перерытой, перепаханной вдоль и поперёк земли, засеянной костями, хордами и ещё черт знает, чем, тем, что может остаться от разных форм разумной и не очень жизни, имевшей несчастье очутиться в этом негостеприимном мире.

С другой стороны, а кто их сюда звал? Может быть триумвират жадности, наглости и самонадеянности? Всегда находятся авантюристы, пробующие на прочность бастионы неприступных крепостей. Они приходят с более совершенной экипировкой, оружием и надеждой, что уж им-то точно повезёт, а планета, этот маленький, ничтожный по всем меркам мирок, снова собирает свою жатву. У тех, кто по счастливой случайности не отправился вслед за своей техникой, есть выбор и он незавидный. Вариантов в общем то немного. Одни предпочитают партизанить в обломках, ожидая спасения от своих соотечественников, другие идут на поклон в корпорацию, обещающую дать шанс покинуть это злополучное место и многие, выбравшие такой путь, действительно перестали быть обитателями планеты, перенеся свои души в иной мир, а искалеченные тела оставив на её поверхности. Впрочем, шансы на такой исход велики в обоих вариантах.

Всё это потому, что мы – здесь пришельцы и, мягко говоря, нежелательные гости здешних хозяев.

Мысли прервала маленькая, с булавочную головку, яркая вспышка на небосклоне и тотчас к земле потянулась дымная извилистая дорожка. Если звёздные корабли падают, значит это кому-то нужно. Я даже знаю кому – корпорация обещает щедрое вознаграждение за любые технические ценности, собираемые с любого железа, захламляющего планету. Собиратели гордо именуется трофейщиками, а по мне, так обыкновенные мародёры, обчищающие за награду погибшие корабли. Кстати, у меня тоже контракт с корпорацией, а иначе как бы я сюда попал. Вот именно, что попал... Во всех смыслах этого слова.

Но сегодня есть шанс кое-что изменить, только требуется поторопиться. Ещё раз окидываю взглядом пространство перед собой. В ориентирах недостатка нет. Это с одной стороны хорошо, пока петляешь, как заяц, по богатой на ловушки и препятствия местности, а с другой, эти же ориентиры и есть те самые ловушки и препятствия, которые надо оббегать и которых следует сторониться.

Но, всё же, главная опасность не в этом бездушном железе, захлавившим всю планету, а в очень даже одушевлённом, охраняющим эту планету и являющимся по сути её настоящими хозяевами.

Ну что же, медлить больше нельзя. Сердце стучит в висках. До укрытия уже подать рукой. Вот засада! Самая настоящая засада – впереди блеснули металлическими боками три «осы». Значит сзади крадётся «охотник». Ни в коем случае нельзя останавливаться! Резко забираю вправо, тройка сразу же бросается наперерез. Зацепившись ногой, лечу носом в землю. Краем глаза вижу, как мимо плеча, едва не задев, проносится комочек вязкой смолы.

Хотя почему «не задев»? Ещё как задел, но не того. Блестящий цилиндр, поторопившийся выскочить наперерез, получив щедрую порцию такого «счастья», резко вильнул в сторону, как кегли разметал своих собратьев, и упал, беспомощно подрагивая нарядным, как ёлочная игрушка, корпусом. Доли секунды, не более. Мозг не успевает обрабатывать события так быстро. Зато накатит потом, встанет в ряд чётких фактов и позволит спрогнозировать дальнейшие действия чтобы задать программу мышцам и рефлексам. Потому что в этом танце смерти ведут только они, отключив разум. Но это потом, всего лишь через мгновенье, миг, вырванный в поединке, щедро сдобренным адреналином, азартом с одной стороны и механическим расчётом с другой. Награда – ещё один шанс испытать судьбу, померяться реакцией и ловкостью. Но это – если выиграешь, а проиграешь... О проигрыше не думаешь, как и раньше, наверное, никто и не думал, из тех немногих ветеранах-инвалидах.

Землю встречаю на плечо, сгруппировавшись и убрав голову. Первый раунд я оставил за собой. Свистящий шелест стремительной лобовой атаки заставил моментально спружинить телом, сначала присев на корточки, а потом выпрыгнуть с перекатом в сторону. Ещё чуть-чуть и рядом уже виден спасительный бункер. Прыжок вправо, прыжок влево, шелест проскочившего мимо цилиндра, рывок и я «в домике». Глухой удар в стенку опоздавшего собрата.

– Вот тебе, – выкрикнул я охрипшим голосом и выкинул неприличный жест, затем нашарил трясущимися от прилива адреналина руками плоскую флягу и, стуча зубами по железному горлышку, попытался сделать глоток. Булькнув, живительная влага растеклась по подбородку, а потом скользнула за воротник, но и та, что попала в рот, сделала финт мимо пищевода, вызвав такой некстати надсадный кашель.

Вытерев рукавом рот, я осмотрелся на месте. Две узкие бойницы давали минимум света, как и вход, прикрытый внешней стеной. В полумраке детали различались плохо, но ничего особенного внутри и не было. Обстановка больше, чем аскетична – земляной пол и мощные стены из прочного материала. На какое время этот склеп станет моим убежищем?

Я осторожно выглянул в узкую амбразуру. Стайка ос, разбившись на пары наматывало круги вокруг бункера. Времени уже прошло немало. Значит за меня взялись всерьёз. Чем же я интересно им так не угодил? А может я слишком о себе высокого мнения? Значения это сейчас не имело никакого. Похоже, это было не просто случайное столкновение, а спланированное мероприятие, типа облавы или зачистки территории. Как нелепо вляпаться!

Самое главное – это был тупик. Померяться с осами терпением? Они же железные, что с ними станется? А сколько я смогу просидеть? Всё, приехали, конечная станция.

Вздыхнув, я устроился поудобнее у стеночки. Остаётся только плыть по течению, ожидая что ошибаюсь в догадках. Утро только началось, а устал, как будто вагоны разгружал. Надо пользоваться моментом. Закрываю глаза и пытаюсь думать о чем-то приятном, например, о самом начале своих необычных приключений.

Всё началось...

Хорошо сказать «с начала». А ещё лучше определить, что же этим началом было. Отматывая время назад, пытаешься зацепиться за прошедшие моменты и как-то оценить их, доверившись внутренним чувствам. Короче, полагаешься на интуицию, но в то же время, при напряжении мозговой извилины, понимаешь, что некоторые события сомнительны и шулерски подтасованы в колоду случайностей. Тут уж извилину вовсе может вывихнуть, а как же тогда фуражку носить? Кстати о фуражке. Пожалуй, началось всё во время службы в армии. Ну как её пропустишь? Любой настоящий мужик меня поймёт. Она на всю жизнь. «Господи, – скажет какая-нибудь малосознательная женщина, – пару лет отбарабанили, а как с друзьями пересечёшься, так как будто вчера ляжку тянуть закончили. Тут тебе и тосты бесконечные и воспоминаний столько, сколько за всю жизнь не насобираешь». Конечно, можно и сейчас бесконечно травить байки и армейские анекдоты, выдавая их за свою «бурную» жизнь, но, если быть честным, служба – была, а всякая хохмяческая лабуда как-то и не случалась. А если быть ещё и кратким, то интересности начались с определённого момента, когда у меня за плечами был уже приличный срок службы, на погонах – лычки, а в приземлённой перспективе – караул в одной заснеженной и морозной воинской части, куда занесла меня судьба, поручив Родине транспортировать своего защитника железнодорожным и автомобильным транспортом.

Так вот, был у нас под охраной один из номерных объектов, на котором жизнь кипела достаточно бодро, по сравнению с другими. На некоторые вообще по несколько дней не заглядывали, бывало и неделя пройдёт, а только тропка караульная к нему стелется, потому как не ходит никто кроме караульных смен. Идёшь к такому в солнечный день, снег искрится, сверкает искорками разноцветными и скрипит под антрацитовыми сапогами. Ну а у караульного под валенками конечно, морозно потому как около объекта в сапогах два часа прыгать. А вот ночью караул полный, то есть писец белый. Особенно если луна своим жутким светом не подсвечивает, то на ощупь пробираться приходится, по памяти направления восстанавливая. Но вот если дорога бульдозером расчищена, значит есть потребность какая-то в том объекте, да это и так понятно, по количеству народа на нём каждый божий день ошивающемся.

Но один из объектов всё-таки и среди таких живчиков выделялся. Выделялся тем, что на него повадились гражданские всякие соваться. У нас их быстро «пиджаками» окрестили, с лёгкой руки командира батальона. Ну ездят и ездят, наше дело маленькое – подсел в грузовичок, да и айда на объект, часовому засветиться, чтобы не перестрелял всех с перепугу или спросонок. Хотя и тут была своя закавыка, на все объекты офицеров возили тяжёлые уралы, а на этот откуда-то автобус откапали. И так он нелепо смотрелся среди остальных, стоящих в ряду, автомашин! Как будто НЛО приземлилось рядом, а никому и дела нет, что такое чудо случилось. Только вот от такого вида сердце сжималось тоской по гражданке, по той оставленной вольной жизни с днями, наполненными смыслом и своими личными делами. Особенное чувство возникает тогда, когда разводящим на этот объект назначают. Садись на такое чудо и неудобно как-то. Кажется, что зайдёт контролёр, цапнет за рукав и спросит: «Ваш билет? Предъявите пожалуйста». Ведь едешь зайцем всё-таки. В таком настроении я и познакомился однажды с одним из «пиджаков». Народу было немного и ехали в общем-то молча, а два гражданских такой базар устроили, как будто за всех разом хотели выговорится. Спорили они азартно, по видимому схлестнулись ещё загодя, наверное, как от военного городка отъехали, а может и ещё раньше, в гостинице, например, если вместе в номере поселены были. Всем остальным пассажирам это либо смертельно надоело, либо никто в этом был «ни бельмес». Вот и пикировались две высокого полёта птицы так, что только пух и перья по сторонам летели. По мне, так это забавно смотрелось. Про контролёра я забыл, а вот от перепалки этой ещё больше гражданкой

повеяло. Закрывать глаза – так и вовсе как на кафедре неоконченного мной института снова я очутился. Стою, и с мечтательной улыбкой идиота, как кот на мартовское солнце жмурюсь.

– Конечно, Вы можете бесконечно упорствовать в своих заблуждениях, любезнейший, – кричит один из спорщиков, с виду на истинного профессора похожий, такой сухонький с седой бородкой, – но я ответственно заявляю, что проверять на практике Ваши фантазии мы никогда, – тут он сделал напыщенно категорическое лицо, – не будем! Я ещё раз повторяю это слово: не-бу-дем. Попрошу Вас принять это как... Как аксиому.

– Ну, Михалыч сел на своего любимого коня, – поморщился рядом со мной один из военных и, надвинув на лоб фуражку, откинулся на сиденье.

– Ну его, весь сон перебил, – кивнул головой, сидевший с ним рядом.

– Андрей Михайлович, – отвечал второй гражданский, не старый такой крепыш, лет может быть сорока с небольшим, – вы ведь просто-напросто включаете административный ресурс, а это свидетельствует о том, что, во-первых, свои аргументы Вами уже исчерпаны, а во-вторых Вас очень пугает ответственность, простите за выражение, как самого обыкновенного ретрограда.

– Ответственность? Пугает? Наоборот, я как никто осознаю свою ответственность не допустить этого... Этого... – задохнувшись от возмущения Андрей Михайлович не смог сразу подобрать подходящего слова. И тут очнувшись от полудрёмы я сразу подсказал: «Волюнтаризма».

Вот именно, – ухватился он за подсказку, – волюнтаризма!

– В моем доме прошу не выражаться! – как эхо отозвался один из большезвёздных пассажиров и тут же вызвал гогот среди молодняка со звёздочками поменьше. Шутка начальника всегда шутка, даже если она таковой и не является, потому как на службе своя аксиономия.

Михалыч покраснел как помидор, фыркнул, пробормотал что-то о невежественных солдафонах и отвернулся к окну, а второй спорщик показал мне большой палец. По приезду, как только мы все вывалились из автобуса он пожал мне руку, и я узнал, что звать его «просто Егор».

– Ну все хорошие знакомые так называют, а ты меня слегка подвыручил, но если учесть, что в нужное время и публично, то даже очень... Не слегка.

В чём-то он был прав. В наших местах запоминающиеся события редки, а тут этот инцидент почему-то всем запал и после этого случая Михалыча за глаза стали называть не иначе, как «волюнтарист». Наверное, он уже сослуживцам все мозоли истоптал своим бюрократизмом. Я же от них получил определённую благосклонность вроде: «Волюнтариста нашего знаете? Так вот, а этот тот самый который...» – ну и далее уже у кого фантазии на что хватало.

Вроде бы и ничего особенного и не произошло, но с Егором я стал общаться поболее, чем это входило в мои служебные обязанности. Этому способствовало ещё и моё образование. Ведь как-никак, а первый курс института я отбарабанил. Причём же тогда армия? Просто Родина заявила, что большая армия ей нужнее будущих инженеров, а промышленность и подождать может. И вот вчерашние студенты уже примеряют кирзовые сапоги, надраивают до блеска полы казарм и дружно вышагивают по плацу с песней про солдата с начищенными пуговицами, то есть всемерно укрепляют обороноспособность государства, доверившего военное и прочее имущество столь многообещающему воинству. Поэтому круг интересов у меня был чуть пошире, чем у обыкновенного призывника. В частности, это выражалось в общении с книжками, которые выпадали из привычного библиотечарского рациона армейских будней. Уставы конечно не счёт.

Однажды, почитывая на КПП присланную из дома книжку на иностранном языке, довелось поболтать с Егором подольше обычного. Был уже поздний вечер, когда появилась запоздавшая группа спецов с одного из объектов. На пути у них был КПП, а в тот вечер дежурить на нём выпало мне. Эх, хороши сибирские вечера: чёрное небо, белый снег и красная от мороза морда,

вздумавшего любоваться этим бездельника. Да, любит морозец шутки шутить... Вот и тогда, вроде бы и устал народ, а проскакивал бодрячком. Морозец уныния не допускал. Последним подскочил Егор.

– А, привет, млеешь тут потихоньку? Тепло, хорошо и мухи не кусают! Что это? – он посмотрел у меня на столе книжку. – Буквы знакомые ищешь?

– Да нет, всё больше незнакомые. Всё больше ненашенские тута, аглицкие поди.

– Ну-ну, – Егор посмотрел название на обложке и усмехнулся: – Вот так и прокалываются агенты мирового империализма. Кстати, телефончиком тут у тебя никак не разжиться?

На КПП действительно был телефон, старый такой, его, наверное, вытащили ещё из запасников царской армии. Как же без него, а вдруг война? Только вот от посетителей он был отгорожен дверью с покосившейся табличкой «Посторонним вход запрещён». Но я решил, что не такой уж Егор и посторонний и своей властью отодвинул задвижку: «Только номер дежурного не набирайте, а то получится самый эпичный залёт». Не хотелось как-то, чтобы дежурный по части потом бубнил про «неслужебное использование вверенной боевой и другой техники».

– Не, я коменданту. Пока доберусь до гостиницы, наверняка удерёт, а вопросик важный...

Пока Егор решал свои вопросы, я согрел чай – с мороза первое дело. Егор, порывшись в своём портфельчике, достал недоеденное печенье и, как говорится, процесс пошёл. Полчаса мы бегло потоптались около научных тем, а вот в конце, Егор меня изрядно удивил.

– Вот сидишь ты тут Вася, весь из себя, с начищенной бляхой и сапогами, а не знаешь поди, что в мире творится.

– Дадут тут забыть, как же – политинформации всякие, газета «Красная звезда» опять же, – я умолчал конечно же где она обычно почитывалась кусочно-отрывным способом.

– Да что меняется то? Англичанка гадит, но как говорится наш бронепоезд...

– Это понятно, – смеётся Егор, – но есть кое-что и поконкретнее, и наших просторов касающееся.

– Да поди ты, – удивляюсь я, – всему миру стало быть о нас известно, а мы тут о себе тайну военную хранить обязаны.

– Если бы... Совпало так. Короче, нашлась тут у буржуев группа учёных, выдвинувших теорию стыковки разного рода пространств. Жизненных пространств, если быть более точным. Интерес при этом представляет поведенческий характер биологических групп.

Егор выдержал паузу, отпив чая из эмалированной кружки, и продолжил

– Там конечно все сильно популистски изложено, так, пощекотать нервы обывателю, но мне кажется определённое зерно в их рассуждениях есть.

Егор снова приложился к кружке, и чтобы заполнить паузу, а я спросил:

– Чьи учёные то? Богатое государство должно быть, если такое попу... Такие попы оплачивает.

– Не бедное. – Поморщился Егор, – Эти попы, то есть учёные... Они из Британии. Это тебе о чём-нибудь говорит?

Ну что тогда я мог знать о Британских учёных? Оксфорд, Кембридж, кажется. В общем прислушаться стоит. Я неопределённо пожал плечами

– Ну так бы сразу и сказал. Авторитетнейшие личности. Так об чём речь то?

– Ты не ехидничай, дослушай до конца. Несмотря на то, что их статья напихана всякого рода агрессиями и ужасами, мысль все-таки они выводят с моей точки зрения правильную – любой контакт начинается с мирных действий, с попыток понимания друг друга.

– Егор, ты меня конечно извини, но ты в окружении нервных людей с оружием и боеприпасами, которые вселяют в дураков уверенность в своей правоте и безнаказанности. Я думаю, если зелёные человечки вздумают приземлиться в расположении воинской части, то третья мировая, нет, первая межгалактическая нам обеспечена.

– Да, – спохватился я, – мы то тут каким боком? Я что-то пропустил? А-а-а теперь я понимаю, почему зачастили строевые смотры – подготовка к встрече инопланетной цивилизации идёт полным ходом. Но есть вопрос, – я выразительно поднял палец.

– Валяй, – благодушно позволил Егор и прикрыв глаза с наслаждением отхлебнул из кружки.

– Зачем мы учим новую строевую песню. Они все равно услышат её в первый раз.

– Кто они? – Егор по-видимому часть моих слов пропустил мимо ушей.

– Да человечки твои, инопланетные.

– Балда ты, я хоть слово о них сказал? – Егор поставил кружку и с хрустом потянулся.

– Здравсте, приехали, – удивился я, – пространства, контакты... Так ты на что, царская морда, тогда намекал? – удивился я, перейдя на шуточный тон.

– Намекал... Ты мультик один с енотом смешным помнишь? Вот это самое я и товарищи бритты и хотели до тебя донести. Понятно?

– Чего тут понимать? Ты ответь прямо на вопрос – причём тут наша часть и не надо никаких енотов за хвост притягивать.

– ЧП тут у соседей приключилось, – нехотя произнёс Егор. – Распространяться не буду, начальство если надо, до сведения доведёт, но... Но вот одно знай, – наконец решился он, – было похожее у них явление, может и природное, как официально утверждают, только добром всё не кончилось. Несколько вот таких, как ты, досрочно домой отправят. Всё что осталось конечно.

На минуту Егор примолк, давая мне осознать недосказанность его мысли, а потом добавил

– Это не первый случай, три части вокруг нас и у каждой что-то, да приключилось. Только огласки это не получало, без жертв обходилось. А тут три происшествия подряд, по нарастающей прямо. Погибли люди, а это уже становится серьёзно.

– Куда уж серьёзнее, – поддакнул я, а сам подумал, что добавление ко всем неприятностям службы ещё остроты реальной смерти явно не способствует повышению боевого духа. Какая-то зацепка в памяти подала сигнал, что для меня всё это не пустой звук.

– Стало быть вокруг нас, а мы в центре... С природным характером, значит, ты не согласен. Скажи, Егор, ведь это связано с твоей работой? – мысль окрепла и похоже стала правильной догадкой.

– С чего ты взял?

– Сам посуди, какой интерес может вызывать припрятанное нашими прапорщиками барахлишко, или бражка, затворённая автобатарейкой? Ну не боевой же листок нашего караула они хотят почитать. Так что по всему, если и есть что-то достойное внимания, так это творческая научная работа, которую вы кропите во глубине сибирских руд.

– Эй наука, хватит лясы точить, – в распахнувшуюся с мороза дверь заглянул один из офицеров объекта, – транспорт подан, занимайте места согласно купленным билетам.

Военный хохотнул и скрылся за хлопнувшей дверью.

– Все, бывай, – Егор быстро встал, – Ты уж не обессудь, посуду на тебя оставляю, – он кивнул на кружку с остывающим чаем.

– Главное усвой, вояка, добрым словом ты добьёшься больше, чем своим автоматом, даже если он и лучший в мире.

– Конечно не автоматом, – кричу ему вслед, – он слишком неудобен чтобы ходить с ним постоянно, а вот если пистолетом, вот добрым словом и пистолетом?

Егор, махнув рукой и исчез за хлопнувшей вслед ему дверью. Несмотря на то, что наши беседы с Егором носили шуточный характер, в этот раз меня несколько удивил его пацифистский настрой, ведь армия – это не место где все государственные проблемы решают мирным

способом. «Вот пусть у дипломатов голова и болит», – подумал я, устраиваясь поудобнее, чтобы покемарить вполглаза.

Проблемы

Вспомнил я эти слова чуть позже, во время одного из караулов. Может быть потому что разговор с Егором был совсем недавно, а может потому что перепугался я до смерти, а сознаваться себе в этом ну никак не хотелось, а те, произнесённые им в тот вечер слова хоть как-то служили мне оправданием.

В общем, действительно, зачитали нам приказ, предостерегающий от вооружённых конфликтов с непонятными явлениями природы, призывающие при этом сохранять олимпийское спокойствие и твёрдость духа, проявлять высокие морально-боевые качества, дисциплину и прочую лабуду. А что при этом должен делать боец? А должен он грамотно, используя отличную боевую выучку, рельеф местности, находчивость и смекалку организовать наблюдение и своевременно докладывать командованию о происшествии и дальнейшем развитии событий. Представить все эти действия заиндевелвшие мозги под шапкой-ушанкой наотрез отказывались, а вызов твёрдого духа, да ещё в морально-боевом облике, вызывал ассоциацию скорее спиритического сеанса, а не служебного рвения. Так, что одна половина так и не поняла, о чём идёт речь, а вторая, в самых лучших армейских традициях, восприняла с все с полным пофигизмом.

Дальше события разворачивались чересчур быстро. Тот роковой караул начинался как обычно. Единственное, чем он выделялся от предыдущих, тем, что на посты было включено много молодых солдат, не отслуживших и полгода. Сибирская зима была для них непривычна, особенно для горячих южных парней, которых в этом призыве было немалое количество. Ночь кстати обещала быть достаточно морозной, что не добавляло энтузиазма ни новичкам, ни бывалым старичкам.

Примерно после двух часов ночи, после только что завершившейся смены, когда в караулке воцарилось умиротворение, тихо и незаметно отправляющее всех в царство морфея, раздалась трель постового вызова.

– Помощник... Рядовой Коробков... – помощник начкара по спецсвязи зевнул и решил сократить диалог до минимума. – Чего тебе?

Недолгая пауза, а потом уже немного взбодрённым голосом:

– Товарищ лейтенант, послушайте сами.

– Чего ещё там, – бросил лейтенант, недовольный тем, что его вывели из состояния лёгкой дремоты, которая уже так проникновенно расслабила тело и разум. – Чего ты мне тут загадки загадываешь, доложи по форме!

– Да вот Керимову черти мерещатся, – Коробков тыкнул пальцем в трубку, – может от холода того... Крыша съехала?

– Сейчас ему крыша приедет, мало не покажется. Кто у него разводящий, чей этот пост?

– Мой, – я вполуха слышал эту перебранку и тянуть время не имело смысла.

Из-за моей спины выглянул Авдеев, только что сменившийся с этого поста:

– Короб, что там несёт этот паникёр, – Авдееву очень не хотелось выбираться из тёплого помещения. – Как я на посту, так тишина и покой, а у этого салаги все страхи мира в одном месте собрались.

– Глаза, говорит, красные видит, – Коробков перевёл взгляд с лейтенанта на Авдеева, – и они движутся.

Тут признаться у меня что-то в мозгу и забрезжило. У начкара по-видимому тоже, потому что он спокойно, чересчур спокойным голосом произнёс:

– Водителя подымайте и вперёд, – потом добавил с угрозой – норматив по выдвижению знаете, жду доклад с поста. Время пошло.

Добрейшей души человек, надо сказать. А вот мог бы и бегом отправить. Так что повезло нам несказанно. Авдеев это прочувствовал сразу, почти дембель все-таки. Интуиция и нюх

как у орла, как в одной песне поётся. К концу службы развиваются все полезные качества, позволяющие переносить тяготы и лишения воинской службы без лишнего напряжения, а если повезёт, то и с некоторой степенью комфорта.

Раз, и мы спешно набросили шинели. Два – мы выхватили из пирамиды свои автоматы. Три – мы буквально вынесли из караулки очумевшего водителя и запрыгнули в уже застывшую шишигу.

– Давай братан, на посту чп, в норматив не уложимся, тебя с нами летёха бегать заставит, – вываливал я на обалдевшего водилу последние новости.

Мотор поворчал, но вскоре уверенно затарахтел, и мы выкатились на лесную дорогу.

Только вот по мере приближения к посту становилось все более жутковато. Даже водитель, который, судя по сонному выражению на лице, вёл машину на автопилоте, окончательно пробудился и посматривал по сторонам с заметным беспокойством.

Шишига высветила фарами ворота охраняемого объекта. Из-за решётки белело лицо прижавшегося к ней часового.

– К машине! – уставные команды способствовали сохранению рассудка и внушали чувство, что ситуация под контролем.

Авдеев суетился больше обычного и это выдавало его напряжение. Безмолвная темнота, тусклый холодный отсвет снега дополняли общее гнетущее беспокойство. Водитель не выключил фары, и они прорезали темноту подобно свету маяка.

Щит зарядки оружия темнел далеко в стороне, делать крюк не было никакого желания.

– Пристегни магазин, – я привычным движением прищёлкнул свой. Второй щелчок свидетельствовал, что команда понята правильно. Поправив подсумки и ремни, мы скорым шагом затопали к объекту.

Часовой попробовал доложить, но то ли от мороза, то ли он действительно перепугался так, что зуб на зуб не попадал, а только вместо простой фразы мы услышали лишь несколько несвязанных слов.

– Ясно с тобой всё, показывай, где-что ты видел.

– Что, обделался небось, Кира, – это вставил свои три копейки Авдеев.

Керимов в постовом тулупе походил на небольшую копёнку. Но видно было, что его трясло и отнюдь не от холода.

– Там, – он ткнул пальцем за угол бетонной коробки, которая в общем то и являлась объектом охранения. Как назло, часть фонарей объекта не горела, а указанный угол вообще выглядел чёрной дырой.

– Краткость – сестра таланта, – констатировал я.

– Талант у него на выдумки всякие, – Авдеев оттаял и теперь решил отыграться за свою кратковременную слабость, – не может свои два часа как положено отстоять, вояка, блин.

– За мной, – времени терять было нельзя, от отдыха совсем ничего не останется, если стоять тут и препираться. Нужно было срочно доложить начкару и прояснить обстановку. Один из постовых телефонов как раз и был на углу объекта, за которым Керимову мерещились черти. Пришлось задать темп скоростного марша по территории поста. Сзади пыхтел Керимов, подбадриваемый тычками Авдеева, замыкавшего наш поход против нечисти.

– Я, значит, только туда, а там... Оттуда... Я шаг назад, а они ко мне, – теперь набрался храбрости и Керимов.

То, что мы валили так плотно, было конечно неправильно. Но хотелось быстрее закончить с этим делом, в что-то серьёзное конечно не верилось. А зря. Потому что одно дело вера, а другое самоуверенность. Вот последняя и разбивается вдребезги от сознания, определённого бытием.

Я их увидел.

В первую очередь те самые рубиновые огоньки. Не слишком яркие, но и не тусклые, они зажглись на одной из темных фигур ёлок, что чернели возле края здания. Как будто кто-то щёлкнул выключателем – только что их не было, и сразу раз – вот они. Это было так неожиданно, что я встал, как вкопанный.

– Демоны, – только и успел произнести я.

Керимов налетел на меня сзади, а его похоже подтолкнул упёршийся в него сзади Авдеев. И вот эта гармошка из трёх человек в ступоре уставилась на вспыхнувшие в темноте угольки. А дальше произошло невероятное. Эти дьявольские глаза плавно описали дугу и стали к нам ближе примерно на полметра. Следом за ними, замешкавшись не больше чем на полсекунды, шагнула ёлка!

Керимов попятился назад, но сзади подпирал Авдеев. Я потянул за ремень автомата, а он застрял, оперевшись в тулуп Керимова! Первый проявил сообразительность Авдеев и отпрыгнул в сторону, провалившись в сугроб по пояс.

Не ожидавший такой прыти Керимов упал на спину и стал похож на черепаху, которую перевернули на панцирь. Тулуп сковывал движения и путался у него в ногах, автомат слетел в снег и его уже было не ухватить крабовыми варежками. Зато Авдеев кротом зарылся в сугроб и, по-моему, там молился.

– Стой, кто идёт, – предательски пересохшее горло исказило мой голос до неузнаваемости. Освобождённый автомат скользнул прикладом вперёд, как будто на качелях и я подумал, что правила ношения оружия в нашей армии не идеальны.

– Идёт... – я твёрдо был уверен, что мне ответило эхо.

Но... Тёмная, похожая на ёлку, коническая тень сделала шаг вперёд. Потому, наверное, мы и не осознали, что на территории чужой. В темноте все ёлки как ёлки, хотя было кое-что, не сразу бросившееся в глаза. Точнее не было. На них не было снега! О чём только не подумаешь в критический момент. Но тут наступило словно просветление. Мысли словно бы уже были в голове. Никаких логических рассуждений. Просто я это понял в одно мгновение. И увидел ещё две таких «ёлки». Слово бы подтверждая мои догадки, на них «включились» те же самые угольки, и они двинулись в нашу сторону.

Матово блеснул металл у ближайшей «ёлки». Что-то широкое и, как мне показалось, плоское.

Автомат наконец удалось вывернуть в сторону чужака, что прибавило немного уверенности к выкрику: «Стой», – хотя интуиция сильно сомневалась в подобного рода действиях.

Ободрённый этим криком, из-за сугроба выглянул Авдеев. Увидел ещё две мрачные фигуры, произнёс: «Ай, шайтан!» – и упал обратно. Керимов прикинулся мёртвым или просто отключился от переизбытка чувств.

– Стой, – прозвучал безликий, лишённый эмоций и от этого холодный голос.

– К бою! – закричал я чужим голосом и сам от этого напугался. Но самообладание быстро вернулось ко мне и требовало немедленных действий.

Авдеев грозно высунул ствол из сугроба. Даже Керимов блеснул выдернутым из ножен штык-ножом. Все-таки армия – это рефлекс, вбитые как реакция на вербальный раздражитель, то бишь команду.

Трель звонка прозвучала неожиданно оглушительно, словно удар гонга в этом тревожном противостоянии. И тут мы услышали выстрелы. Короткие очереди выстукивали дробь сигнала, что произошло нечто из ряда вон. Телефон испуганно замолк, а ёлки начали отступать, пока не слились с общей стеной чёрного леса. Движения их были плавные и быстрые, как будто они летели над землёй.

Все кончилось как-то разом. Ёлки исчезли, телефон перестал звонить, да и стрельбы больше не слышно.

– Как мы их!? – Авдеев вскочил, отряхиваясь и возбуждённо тыкая в сторону ухода чужаков дулом автомата, – ты Кира спрятал бы эту зубочистку, не позорился.

– Автомат против них ничто, – авторитетно заявил Керимов, – ваши пукалки при вас были, толку только что? А как я ножом блеснул, так они и испугались.

– С чего им твоей железки пугаться, ты и дотянуться не успеешь, как тебя того... Съедят.

– А они знали, что это нож? А может оружие какое, видел – у них тоже блестело что-то.

– Ты что, сопля, против нас с товарищем сержантом имеешь? Мы оружие не бросали, в отличие от некоторых и знали, что делать надо было, – решил привлечь меня на свою сторону Авдеев.

– Знали конечно. Позвонить нам надо было, а то тут война началась, а мы не при делах, – осадил я обоих.

Благо постовой телефон был неподалёку.

– Что у вас!? Начкар уже караул в ружье поднял, а вы молчите как рыба об лёд, – моментально откликнулся на том конце провода дежурный по связи.

– Дело плохо. Слова часового подтвердились. Временно проблемы устранены. Требуется усиление поста. Что там за пальба? Прямо как на фронте...

– Срочно в машину и в караулку. Авдеева оставишь на посту. Выполнять! – трубку уже перехватил начкар и прояснять ситуацию явно не собирался.

Авдеев воспринял новость мужественно и проявил стойкость и ответственность перед раскрывшимися обстоятельствами:

– Что-о-о? Да я здесь дуба за полчаса дам в одной шинелке и сапогах прыгая. Главное только что тут два часа упирался, даже согреться в караулке не пришлось. Кира, снимай тулуп, паразит, из-за тебя тут ещё одну смену околачиваться.

– Авдей, не гони пургу. Кира то здесь причём? Да стоять тебе здесь осталось уж полсмены, – но в отношении формы одежды определённая истина была. – Зато случись что, ты к бою уже готов, а в тулупе какой ты боец?

Оставив пререкающихся между собой бойцов, я бегом припустил к машине. Очевидно, где-то произошли события посерьёзней, а транспортное средство на караул лишь одно. Отщёлкнув магазин на ходу, дёрнул дверку и лихо заскочил в кабину, подбирая полы шинели.

– В караулку! Пассажиров не будет, погнали!

Водитель проморгался заспанными глазами и без слов принялся разворачивать машину. “Эх, надо было не физикой заниматься, а научиться баранку крутить. Вся служба в полусне бы прошла” – колыхнулось во мне лёгкое чувство зависти. Смуцал только замызганный бушлат водилы, который как бы намекал, что не всё так однозначно и радужно.

До караулки мы долетели моментально. Рядом с ней стояла дежурная машина, а вокруг повсюду суетился человеческий муравейник. Не успел я спрыгнуть с машины, как к ней подскочил разводящий другого объекта, а в кузов стали запрыгивать солдаты. Разводящим был Степан, мой одноклассник, родом из Донбасса. Потомственный шахтёр, для своих лет он выглядел куда внушительней чем я. Такому, казалось, и море было по колено:

– Вторая рота пришла в усиление, я – на пост, часовой не отвечает, стрельба... Короче, как говорится, не поминайте лихом.

– Ни пуха тебе...

– К чёрту, к чёрту. – Степан постучал по бортовой деревяшке кузова, – думаю запросто разберёмся.

– Все на месте, – выкрикнули из-за тента, по-своему поняв этот стук.

– Поехали! – донеслось из-под захлопывающейся дверцы. Шишига бибикнула, попятившись и, поддав газу, унеслась в темноту заснеженного ночного леса.

Вздыхнув и поправив подсумок, норовивший подобраться к пряжке, я бодро зашагал на доклад начальнику караула. Перед помещением строились какие-то солдаты, по-видимому это и была прибывшая рота на усиление.

Рядом с начкаром присутствовала ещё одна личность, повязка на рукаве которой выдавала в ней дежурного по части.

– Слушаю, давай коротко, сам видишь – дел по горло.

– Но со всеми подробностями, обстоятельства бывают крайне важны. – Добавил тот, который с повязкой.

Ну, кто в армии был, в цирке не смеётся. Как-то отучает армия удивляться подобному. Нормального вида приказ, типа «стой там, иди сюда». Армия на том и стоит, что в ней все перпендикулярно и параллельно, а самое главное – эти условия, зачастую, должны выполняться одновременно.

Сократив для краткости доклад за счёт описания слаженности действий не растерявшегося боевого расчёта, я запросто справился с поставленными условиями задачи.

– Нда, комбат уже в известности. Главное, чтобы твои орлы не затоптали там ничего. – Дежурный развернул карту. – Сигнала о проходе заграждений не было?

– Никак нет. – Откликнулся солдат за пультом охраны.

– Значит и деться тут им некуда. Успеете ещё до утра прочесать местность. Пока же главное – это разобраться со стрельбой на посту.

Он прямо как в воду смотрел. Грохнуло так, как будто партизанский отряд ударил из-за засады.

Боевые и другие действия

Дробно и как-то разом стучали автоматы, сливаясь в одну стучаще-гарахтящую какофонию. Сухой промёрзлый воздух нисколько не препятствовал звуковым децибелам. А уж они расстарались. Каждый элемент этой ночной симфонии был отчётливо слышен, каждый выстрел удалял как молоточком по темечку, а таких молоточков был целый оркестр.

– Твою мать! – начальник караула оторопело уставился на дежурного, тот в одно мгновение побледнел белее листа бумаги.

– Вот что, старшину второй роты ко мне и где тут у меня помощник болтается, сюда его, живо! – начкар быстро взял себя в руки.

– Что задумал то? Не мандражируй, сейчас свяжусь с командиром части, поднимем автопарк, там БТРы...

– Да пока твои БТРы подкатят, там ребят как блин раскатают! Вытащим хотя бы тех, кто в живых остался.

– Не знаю, не знаю. Тут ты начальник, тебе и решать. Моё мнение ты слышал.

– Да пошёл ты со своим мнением знаешь куда!

– Не кипятись ты, я только за то, чтобы горячку не пороть. Если там серьёзное что, то не стоит сломя голову в пекло соваться.

– Не дурак, понимаю я, – начкар слегка успокаивался.

Раздался топот сапог по коридору и в помещение вошёл старшина второй роты. Из-за его спины выглядывал помощник начкара.

– Товарищ лейтенант, по вашему приказанию...

– Смелее, смелее, что в дверях застряли, – начкар сразу взял их в оборот.

– Слушайте сюда, хлопцы. Два взвода в боевом порядке выдвигаются к месту предположительного боя с противником...

– Инцидента с применением оружия, – встрял дежурный по части.

– Вот именно... Не забудьте обеспечить головной дозор. В бой по возможности не ввязываться. Ваша задача – заблокировать район, – тут начкар скривился и быстро взглянул на дежурного, – район инцидента. Разведать обстановку, обеспечить отход предыдущей группы, ведущей боевые действия. Отправить курьера с сообщением об обстановке. Помощнику обеспечить проход к объекту, если предоставится таковая возможность. Всё, выполнять!

Пока проводились сборы, перестрелка сошла на нет и снова всё погрузилось в чёрную тишину ночи. Но караул бурлил. Все вокруг ходили заражённые боевым азартом, с лицами, сосредоточенными и одухотворёнными своей важностью. Строилась заступающая смена, по караулке сновали солдаты другой роты, хлопали дверцы пирамиды с оружием, около туалета висела дымовая завеса, наружная дверь не успевала закрываться от снующего туда-сюда народа. Более всего это походило на цыганский табор на вокзале. Слава богу я на время покидал это стойбище. На время проведения смены, в которую был придан в качестве усиления ещё один солдат.

К счастью, проблем на посту не возникло и благополучно вернувшись, мы не узнали караул – в глаза бросался перегораживающий дорогу БТР с грозно повернутой пушкой в сторону леса. Второй БТР подогнали под окна караулки, для защиты её броней и просто потому, что ставить его было некуда.

Новостей за время моего отсутствия не добавилось, рядовой состав пребывал в привычном для армии состоянии, то есть в неведении. Так протянулось время до конца караула. Временами делало набегу большое начальство, включая командира части, но легче от этого почему-то не становилось. К завершению нашего такого беспокойного караула появился

помощник начкара и поделился кое-какой информацией с некоторыми своими земляками. По части поползли слухи.

Согласно коллективному мнению, сформированному в процессе передачи друг другу информации по линии «сломанный телефон» выходило, что своего разводящего и водителя застрелил сам часовой. Те, кто находился в кузове, отделались ранениями и ушибами, вследствие съезда машины в кювет. Ответным огнём часовой был убит, подоспевшая подмога затеяла стрельбу с теми, кто выжил. По счастью никто не пострадал, но нервы помотали друг другу изрядно.

Самое главное, следов каких-либо «гостей» не нашли. Даже на моем объекте, сомневаться в присутствии на котором нисколько не приходилось. Уж себе то я верю, тем более при наличии свидетелей, которых я хорошо знаю.

Точку во всей этой истории поставила следственная группа из столицы, запарившись торчать две недели в нашей заднице мира. Виновным назначили часового, объявив его психически больным человеком, по недоразумению попавшим на службу, а всё, что произошло – это следствие нервного срыва на почве сложных погодных условий и недостаточности политической работы с личным составом.

Командование части получило ценные указания по усилению боевой и воспитательной работы с целью укрепления морально-психологического состояния военнослужащих.

Постепенно страсти улеглись, жизнь стала входить в свою нормальную колею. Но для нас троих – меня, Авдеева и Керимова кое-какие последствия имели место быть. Керимов загремел в госпиталь на реабилитацию, Авдеев прочно обосновался на тумбочке, куда его задвинул комроты от греха подальше. Да и он сам не горел желанием оказаться в карауле. Меня же просто не стали ставить на тот злополучный объект. Таким образом, за мной неофициально закрепили другой объект, тот, на котором что-то химичили Егор и Волонтарист.

Я и раньше уже успел примелькаться среди того персонала, а теперь совсем стал «своим» человеком.

Лаборатория

В виду таких обстоятельств, а также благодаря знакомству с Егором, я допускался в пристройку объекта, которая в общем-то ничего особенного не приставляла, точнее представляла какой-то отстойник для посетителей, перед тем, как им позволят пройти внутрь, то есть ничем особенным не выделялась. Но тем не менее, там меня Егор иногда угощал чаем из термоса, а я, пользуясь случаем, выпрашивал всякие металлические отходы для дембельского альбома. Не знаю с какой целью, но в этом помещении, от случая к случаю, появлялись обрезки блестящих металлических пластин, из которых по-видимому что-то выпрессовывалось, а остатки выносили сюда.

Однажды судьба мне улыбнулась, и я смог углядеть в этом хламе вполне целую железку, примерно с тетрадный листок. Несомненно, это была удача, такой штукой можно было отделить целую обложку священной книги советского армейца. Недолго думая и пользуясь моментом, я моментально стал обладателем сего предмета и передо мной стал вопрос куда его заковать, потому как меня терзали смутные сомнения, что я вряд ли выхватил неликвид, а посему ежеминутно могли появиться хозяева в поисках пропажи. Вообще, несмотря на то, что армия выбивает всякие совестливые чувства, я на мгновение устыдился своих действий. Но, буркнув себе под нос армейскую истину, что в армии не теряют, а про...ют, я тут же послал совесть отжиматься, а сам переключился на доставшийся мне на халяву хабар.

Пластина была очень тонкой и лёгкой, сероватого цвета. Я тогда нисколько не сомневался, что это алюминий. Для моих нужд было самое оно. Осталось только решить, что делать дальше. Решение пришло на уровне подсознания, руки автоматически засунули её под шинель со стороны поясницы и слегка потуже подтянули ремень. Не дожидаясь Егора, я выскользнул из помещения на свежий воздух. На улице, как заметил один остряк, был далеко на май месяц, воздух был морозен и чист. С удовольствием сделав глубокий вдох, окликнул бойца, который что-то перетирал с водителем автобуса, успевая посматривать дешёвую сигаретку. Жестом показал ему «сбор», сказал: «Бди» подпиравшему стену часовому и направился к выходу за территорию объекта.

– Василь, – солдат прервал диалог, энергично замахав мне рукой – тут okazия подворачивается. «Земляка вот встретил, – он кивнул головой в сторону водителя, – говорит, что минут через пять в обратку тронется».

– Да сейчас прапор должен подвалить, просил тормознуть малёк, – водитель в затертом бушлате неопределённо махнул в сторону объекта рукой, – как раз подымить успеем.

Сомнения конечно в этом присутствовали, редко, когда транспорт объектов освобождался рано, до обеда продержат колёсного извозчика была обычная практика. Но, все же даже плохо ехать было намного лучше, чем ножками к КПП топтать. Зампотех конечно нещадно материл солдат за такие задержки, а старшие офицеры его посылали по известному адресу. И такое веселье продолжалось испокон веков, как мне божились в разговоре знакомые водители.

В этот раз все пошло совершенно наперекосяк. Со стороны пристройки раздался хлопок, даже в какой-то момент показалось, что вздрогнула земля. Некоторые стекла лопнули с резким звенящим звуком и высыпались из проёмов гирляндами сверкающих осколков. А потом из всех щелей повалил дым, но не обычный черно-белый вариант, а цветной, точнее, яркосиний. Смотрелось очень сюрреалистично – как будто кто-то подправил настройку этого мира, включив цветопередачу. Серая бетонная коробка сооружения, белый снег, засыпавший землю и деревья, чёрный, пробивающийся из-под снега асфальт и яркие клубы ультрамаринового цвета.

Решение пришло моментально, да и не было это решением, а просто сработали моторные рефлексы. Я скинул автомат обалдевшему от открывшейся картины часовому и помчался со всех ног к двери. Я знал, что она не закрыта и больше никаких других мыслей у меня не было.

В первые мгновенья что-то рассмотреть за распахнутой дверью было совершенно невозможно. Но дыма было немного, основную роль пароводных труб выполняли пустые оконные проёмы. Это было мне на руку. Прижав ко рту и носу варежку, я быстро миновал предбанник и, распахнув следующую дверь побежал по открывшемуся передо мной коридору. То, что вторая дверь была не заперта, почему-то прибавило мне уверенности, что я все делаю правильно. Коридор уходил вниз и это в общем-то не удивляло, поскольку всегда ходили слухи о подземной структуре охраняемых нами объектов.

Дежурное освещение тускло пробивалось сквозь дым, туманом застилающий пространство коридора. Развилка, выплывшая мне навстречу, явилась неприятной неожиданностью, заставившей притормозить и вчитаться в указатели на стене. Мне хотелось верить, что это были указатели. Увы, в написанных сокращениях не разобрался бы даже консилиум агентов ЦРУ и МИ-6, подкреплённый Моссадом, случись им оказаться на моем месте. Рассудив, что повышенная дымность есть следствие, а дыма без огня, как известно, не бывает, я повернул в более задымленную сторону.

Наверное, если бы через некоторое мгновение я не уткнулся бы в двери лаборатории, я бы повернул обратно. Коридор, казавшийся бесконечным, становящийся более едким дым, а самое главное – отсутствие людей – всё это мало того, что вселяло жуть до самых костей, так ещё и порождало разного рода сомнения. Сомнения в собственных силах, в принятом решении. Больше всего я сомневался в выборе правильного направления, как говорится, чем дальше в лес, тем меньше шансов...

То, что за дверью лаборатория, я понял только когда уже был в самом помещении. Освещение было поярче, как ни странно, горели почти все штатные светильники. Но эффект тумана от этого казался ещё сильнее. Всюду, словно рифы и подводные скалы, валялось оборудование, ящики и множество других не опознанных объектов. Беспорядок заставил быть осторожным и это спасло меня от неминуемого падения, если бы я зацепился о раскинутое на полу тело.

То, что это был Егор, я не сомневался. Цивильный костюм, видневшийся из-под разорванного белого халата, повышал процент угадки до девяносто восьми процентов. Но задумываться об этом было совершенно некогда. Я попытался приподнять тело, но, как только отнял варежку от лица, первый же вдох вызвал неприятное жжение в горле и кашель, пока ещё в лёгкой форме. Тогда я изменил тактику – крепко ухватившись за шиворот, пятясь, поволок одной рукой подопечного к выходу, а второй продолжал зажимать нос и рот варежкой.

Проблема была в том, что на заднице глаз нет, а вот чувствительности хоть отбавляй. Об этом остро напоминали различные предметы, так некстати попадавшие на пути. Кстати, сообразительность тоже оказалась не чужда этой части тела. Вспомнив про значенную пластину, я передвинул её в качестве забрала на пятую точку, и уже мог не только не шараться в сторону от всякого мусора, но и сам, пятясь, сдвигать его со своего пути.

Через некоторое время я почувствовал, что немного сбился с пути. Однорукость приложения силы привела к кособокости, траектория искривилась, о чём сигнализировала та же самая пятая точка, упёршись в блестящий цилиндр, нисколько не желавший даже двинуться с места.

Я даже удивился, что сразу не заметил такую дуру. Это, скорее всего, была ёмкость для жидкости или газа, вся облепленная проволочками, трубочками и манометрами. Некоторых составных частей, по-видимому, не хватало, из отверстий под них вырывался то ли пар, то ли газ белого цвета. Разбираться и вникать во что-то не было абсолютно времени и желания. А вот осторожность проявить следовало бы. Когда я повернулся к Егору и нагнулся приподнять тело, эта скороварка все-таки лопнула, о чём меня сначала оповестил громкий бабах, а потом

сильнейший толчок пониже спины. Пока я летел ракетой по помещению, оказавшимся на моё счастье не таким уж и маленьким, я молился, чтобы та тоненькая пластинка, по воле провидения оказавшаяся у меня на заднице, была бронеплитой, способной противостоять обрушившемуся на меня удару. Хотя разум и подсказывал мне, что это не так. За какие-то доли секунды я по диагонали пересёк лабораторию, разнося все на своём пути и закончил полет в противоположном углу. Это последнее, что я помнил в процессе своей такой неудачной спасательной операции.

Очнулся я уже в госпитале и дальнейшее мне дорасказали соседи по палате, два лейтенанта, Кирилл и Сергей Иванович – так они представились, сотрудники объекта, оказавшиеся тут по той же причине, что и я. Офицеры объекта оказались на высоте – выволокли всех пострадавших, часть документации и до приезда пожарной бригады блокировали очаги аварий. Здоровые ребята, ничего не скажешь. А вот я теперь, похоже, не очень. Если летёхи отделились ссадинами и слегка потравились тем химическим дымом, который заливал все помещения, то я получил и то и другое в гораздо большей степени, а на третьем огрёб на свою задницу ещё и ранение. Причём именно задницы. Молитвы мои были проигнорированы или просто не услышаны, осколки адской скороварки пробили тонкую пластинку и привнесли мне немного металла в память об этом маленьком приключении. Награда “За безумие и отвагу”, что называется, нашла героя. Теперь я валялся на кровати в ожидании операции, уткнувшись лицом в подушку. Ходить, а тем более садиться я, по понятным причинам, пока не мог.

Кстати, мне ещё повезло, Егора увезли вертолётom в Москву. А вот Волонтарист выскокил сухим из воды, потому как во время происшествия находился в каких-то складских помещениях за очень бронированными дверьми.

Светило местного госпиталя – седой медик Сергей Макарыч, а между пациентами – “старик”, не задержался ко мне с визитом.

– Ну, я бжу пациент оклемался и готов к решительным действиям, да Базилий? – Старик говорил “в нос”, как мне позднее объяснили из-за какого-то врождённого или приобретённого в далёкой бурной молодости дефекта. Ходили легенды, что Макарыч по молодости был ещё тот кобелина, а нос ему начистил за свою страсть какой-то моряк. Поэтому Макарыч прервал династическую морскую традицию и сбежал на сушу, а море ненавидит так, что даже и все отпуска проводит где-нибудь посреди материка.

Впрочем, пациентам сие было по барабану, тем более, что они особенно и не залёживались. Случись что серьёзное – то отправляли сразу на большую землю, а мелочёвка делалась на раз-два и дальше гуляй отпуск при части, но уже в части, в воинской части, разумеется.

– Готов, готов, Сергей Макарыч, уже все пузо отлежал, вот только честно скажите, серьёзно там? Переживаю, как-никак...

– Это нормально, переживать то есть. Сделаем рентген, обстоятельно всё, потом чик – и готобо.

– Держись, Базиль, и с ползадницей тоже живут. – летёхи с интересом прислушивались к разговору.

– Нет, нет, Базиль, Базилий то есть, шутники тут быскались. Бот быпишу на клизму назначение, похихикаете. Ты их не слушай. Анализы сдашь, после на рентген отвезут. Бот бы кстати, – Старик сердито ткнул пальцем в шутников, – и побезете.

Как только за доктором закрылась дверь, мои соседи сразу оживились

– Да, Базиль, успокаивает он тебя. Макарыч еще тот хирург, – Кирилл подмигнул напарнику, – вот знаешь прапора Овчарова. Нет? Ну это тот, что столовой заведует.

– Кухонные наряды который материт? Кто же его не знает? Хромает он ещё.

– Ну вот, видел конечно же. А что случилось то знаешь? Всего-то занозу посадил. Раз – и полмышцы как ни бывало. Скажи Серёга?

– Отож. Макарыч совсем стариком стал. Вот раньше говорят классный хирург был. А теперь все, глаз уже не тот, руки трясутся...

– Чего трясутся то, зашибает что ли?

– Ну ты даёшь, кто же из врачей не зашибает? Спирт то где весь? То-то и оно.

Друзья расхохотались, довольные своей шуткой.

– Не тушуйся, Базиль, все будет хорошо, боевые шрамы украшают настоящего мужика. Девки любить будут. Знакомишься, например, с подругой и рассказываешь крутую историю с героической личностью – это ты про себя, если что. А потом приглашаешь шрамы боевые показать. Интим, однако.

Веселье было прервано медсестрой, пожилой уже женщиной, пришедшей брать анализ крови.

– Что весёлые такие? Я так понимаю, вас Сергей Макарыч санитарями назначил? Каталку заберёте в инфекционной. Я как раз успею кровь взять. Ну, чего сидим, кого ждём?

Госпиталь

Быстро расправившись с анализами, меня укатали на рентген, который делала все та же шустрая медсестра. Некоторые неудобства были вызваны моей малоподвижностью, но, с помощью двух бравых хлопцев, все проблемы были оперативно решены. Сестра им вынесла благодарность и меня с ветерком транспортировали на место. На этом всё завершилось. То есть вообще завершилось.

Я ожидал, что операцию сделают почти сразу же. По горячим следам, точнее по припекающим, если говорить о моей пострадавшей части тела. Однако, вечер прошёл лишь в тревожном ожидании. Одолеваемый плохими предчувствиями, я промучился до полуночи. Соседи уже храпели аки былинные богатыри, а мне сон все никак не мог подарить спасительное забытие. Я пересчитал всех овец, а заодно собак и пастуха, сделал дыхательные упражнения, рекомендованные для успокоения и как-то незаметно для себя съехал с реальности. Я равнодушно наблюдал как поднимаюсь над кроватью. «Поскольку это сон, – сказал я себе, – то ничего страшного не происходит, надо вернуться на место и нащупать под собой кровать». Я пошевелил руками и ничего не почувствовал. Тут я очнулся.

Потрогав кровать, я понял две вещи. Во-первых, то, что я действительно сплю, а во-вторых, что всё не так, как кажется, особенно когда спишь. Это возымело положительный успокаивающий эффект, способствующий мягкому проваливанию в объятия Морфея. Сон не заставил себя ждать, но теперь отдаваться ему было легко и спокойно. До самого утра я парил, сначала робко и неуверенно, и только по коридорам госпиталя. Дежурное освещение наполняло приятным полумраком помещения, при этом скрадывая объёмы и все, что затаилось в тени углов и стен, недосягаемых для слишком мягкого света. Я несколько раз чиркал стены, потолок и некоторые предметы, так некстати расставленные у стен. К счастью все кончалось мирно, без разрушений и повреждений. Зато, когда я вырвался на волю из этого каменного склепа, то вздохнул полной грудью и чуть не запел от восторга. Передо мной был весь мир, и этот мир был моим. Замечтавшись, я налетел на выведенную на крышу телевизионную антенну и от неожиданности ухватился за неё, а когда она стала прогибаться от моего веса, пришёл в себя, оттолкнулся и спикировал на землю. С удивлением посмотрел на скривлённую моими стараниями антенну и меня посетила одна глупая мысль.

Мне показалось забавным вернуться в расположение роты и подшутить над сослуживцами. Я был уверен, что ротный наряд спит, вместо того чтобы бдеть, неся ночную службу. Это был мой сон с моими правилами, поэтому всё должно было быть так, как хотел я. То, что я увидел на месте, моим представлениям соответствовало, и меня нисколько не удивило. Вытащив штык-нож из ножен дежурного, я поместил его в стол командира роты. Но этого мне показалось мало. Пролетев подобно “дикому, но симпатичному” привидению через ряды кроватей, я поменял по одному сапогу из каждой пары, выставленных на ночь перед кроватями. Напоследок, пролетая мимо штаба, не отказал себе в удовольствии заглянуть “на огонёк”. Прибрал фуражку раскачивающегося на стуле офицера и поместил её на знамя части. Довольный своей шуткой, я как-то сразу проснулся в уже опостылевшей кровати. Интересно было то, что сон я помнил весь, а такое случалось со мной редко. Сей факт положительно сказался на моем настроении, и я стал выдумывать какие ещё козни можно будет сотворить в следующем сне.

Однако следующий день заставил меня призадуматься. Утро принесло новости, что телевизор, выставленный в коридоре для всеобщего обозрения, перестал нормально принимать программы. Экран рябил полосами, застилался серой пеленой с блестящими нитяными всполохами.

– Ни на минуту нельзя оставить иродов окаянных, – причитала дежурная сестра, – до всего доберутся своими граблями! Признавайтесь, кто это сделал?

Подозрение в первую очередь пало на более здоровую часть контингента, то есть на моих соседей.

– Спали мы, как суслики. Ты же сама в коридоре сидела, должна была увидеть свет от экрана, если бы кто включил телек.

– И услышать, – добавил второй сосед.

Пока появившийся на работе Макарыч костерил дежурную сестру, которая “прошла-пила” телевизор, один из курильщиков, считавших ворон вне помещений, заметил странность в раскорячившейся железке, торчавшей из крыши госпиталя. Железка явно торчала не по фэн-шую. Сложив два и два и досмолив сигаретки, солдаты важно прошествовали к начальнику госпиталя и просветили его насчёт пользы курения и решения телевизионного вопроса. В награду они были посланы на крышу, возвращать прежний вид антенне. На просмотр телевизора было наложено временное табу, по-видимому в назидание всем, чтоб неповадно было.

Совсем уж было приуныли больничные обитатели, как прискакал зам командира части по воспитательной работе подполковник Ковач и поднял на уши весь госпиталь.

Подполковнику отчаянно не везло в этот день. Всегда бодрый и энергичный, он обычно начинал день с пробежки, невзирая на погоду и физическое состояние, которое иногда случалось изрядно похмельным. Далее, заряженный позитивом, как кролик энеджерджер, он учинял карательные рейды по ротам, капая на мозги ротным и взводным, попутно проводя короткие поучительные беседы с личным составом, засчитывая их как политинформацию. Ввиду такой активности, для командования части, он считался полезным чудачком, которое “хождением в народ” себя не обременяло. Но в этот день все пошло наперекосяк. Начало катастрофы было заложено ночью, когда Ковач решил прогуляться по надобности. Какой-то чёрт вселился в любимого кота жены, который воспринял бредущую ночную фигуру подполковника как личного врага. Издав боевой клич, котья атаковал из-за засады босую ногу и надкусил большой палец врага. Обалдевший от такой наглости Ковач, во-первых, резко проснулся, а во-вторых, вспомнив лихую молодость, совершенно машинально прописал оборзевшей животине штрафной удар со свободной ноги. Это было самой большой его ошибкой. Извиняла его лишь природная рефлекторность, как реакция на внешний раздражитель. Но для полного алиби нужно было ещё уверенно пролепетать, что “он первый начал”. Пролепетать удалось, а вот уверенности по-видимому и не хватило. Поэтому в ответ он получил не только половину бессонной ночи из-за болезненного пальца, но и испорченное утро от неприятного разговора с женой по поводу хромоты её любимца. Контрольный выстрел произвёл кот, нагадив в любимые кроссовки подполковника. Оскорблённый до глубины души, Ковач позорно ретировался из дому, провожаемый презрительным взглядом засранца, возлежащего на кухонном подоконнике. С таким прескверным настроением он ни свет, ни заря ворвался в расположение части, строя злобные планы боевой взбучки любому подвернувшемуся организму цвета хаки. Первым на себя удар приняли передовые части – наряд контрольно-пропускного пункта. На удивление подполковника, наряд нёс службу точно по уставу, встретив его бодро и с чётким докладом. Это бы прокатило в любой другой раз, но не в этот. После пятиминутного ора, в который Ковач вложил всю скорбь наболевшего домашнего унижения, наряд в полном составе был отправлен на гауптвахту. Настроение подполковника стало налаживаться, но первая жертва его только раззадорила. На всех парусах, подобно пиратскому бригу, наступающему гружёный золотом галеон, Ковач ворвался в помещение штаба и оторопел от увиденного. Дежурный по части, подставив кривонугую табуретку, которая не складывалась только благодаря честному слову и удерживающему её часовому, тянулся к верхушке знамени, на котором красовалась офицерская фуражка. “Отставить!” – завопил обалдевший Ковач. Часовой, услышав начальственный голос, вытянулся по струнке, табурет крякнул и сложился, лейтенант с повязкой дежурного вцепился в знамя. Древко знамени выдержало, а тумба, в которой оно стояло – нет. Дежурный повалился на часового, часовой повалился на пол и их вместе накрыло бархатным полотнищем

знамени. Фуражка, сделав полукруг, откатилась к ногам подполковника. Не лопнул от возмущения Ковач только потому, что он смотрел на это безобразие раскрыв рот, через который тут же, как через предохранительный клапан парового котла выплеснулся такой поток армейского красноречия, что удивился даже сам подполковник. И потом, много позже он не никак не мог вспомнить то многообразие слов и выражений, так спонтанно вылившихся наружу. На этом фоне не вышедшая на физзарядку рота уже не казалась каким-то неординарным происшествием, но, тем не менее, явилась последней пулей, добившей его сознание и, как ни странно, успокоившей. Подполковник понял, что наступила черед неудач, а стойчески принимать нахлобучки судьбы – это профессиональный долг каждого высокого командира, потому как смертельна для армии только паника, а первое, что у неё на пути – это каменное лицо командира, об которое должны разбиться все психические атаки противника. Посему к госпиталю Ковач подвалил весь деловой и непоколебимый, готовый даже к тому, что госпиталя не увидит вовсе.

Но госпиталь оказался на месте. Воодушевившись, он сразу развернул буйную деятельность в части освещения ситуации в рамках текущих политических событий в мире. Оказывается, в части произошёл полтергейст и группа офицеров штаба ведёт тщательное расследование множества происшествий.

Ковач сразу же уцепился за факт подрыва политического просвещения персонала госпиталя путём внесения деструктивных изменений в конструкцию антенны. Беседа была проведена с несколькими относительно здоровыми пациентами, дежурной сестре сделано внушение и на этом миссия Ковача завершилась. Прибывшие для приведения в порядок телевизионного вещания связисты поведали о переполохе, случившемся этой ночью в части.

Дежурный по части обвинил часового у знамени в оставлении поста в хулиганских целях. Части был нанесён материальный ущерб в виде сломанной табуретки, тумбы и поваленного знамени. Кроме незначительных лёгких ушибов, которые получил часовой и сам дежурный, пытавшийся дотянуться до своего головного убора, оба получили тяжёлую моральную травму, вынужденные выслушать тираду Ковача.

Одна из рот не вышла на физзарядку ввиду неразберихи с обмундированием. Случившуюся в расположении перепалку с руганью прекратил командир роты. Он распорядился создать посредине кучу из вещей, не опознанных в качестве собственных, а потом организовать их раздачу как на аукционе. Естественно, распорядок дня начался с серьёзного беспорядка. Последним под раздачу попал дежурный по роте, отсутствие штык-ножа которого заметили только в конце имущественно-вещевых процедур. Обнаруживший пропажу в своём столе, ротный пообещал запирает на ключ комнату от офонаревших в корягу сержантов, посмеявших протирать солдатскими портками командирское кресло.

Новости несколько не взволновали, а наоборот даже повеселили обитателей больничных покоев. Потому как связисты театрализовали свои рассказы, в самой части, по-видимому, реакция была схожей.

Меня же эти события изрядно смутили. С одной стороны, я несколько не сомневался чьих рук все это дело, а с другой стороны, не мог взять в толк, как такое могло случиться. Здравый рассудок отказывался строить логические связи в виду абсурдности самой сути явления. Но один положительный момент безусловно был – повезло, что в своих проделках я не добрался до караула.

В неведении о своей судьбе я пребывал не так, чтобы и долго, всего пару дней. А потом появился Макарыч и попросил моих соседей покурить где-нибудь за пределами комнаты, а лучше и госпиталя.

Когда за ними закрылась дверь, старик подошёл к моей кровати с таким выражением лица, как будто собрался зачитывать мне некролог.

– Ну-с, молодой челобек, как самочубствие? – разговор он начал хотя и дежурно, но бодро.

– Как ни странно, все лучше и лучше. А что с операцией, доктор? – действительно, с каждым днём постепенно уменьшались болевые ощущения. На кровати меня удерживал лишь синдром наболевшего места, к которому больно прикасаться скорее по привычке, чем по ощущениям.

– Я кстати к вам как раз по этому пободу, Базиль, простите Базилий. Случай у вас необычный. Да. – Он немного помолчал, как будто в раздумьях – продолжать или нет, а потом нехотя добавил – понимаете, рентген никаких осколков не обнаружил.

– Нет-нет, – замахал он руками, увидев, что я хотел возразить, – я вас прекрасно понимаю и беру, безусловно беру что произошло все так, как бы сказали. Я сам бидел башу пятую точку, извините. Но... – тут он развел руками – у меня такой случай никогда не был.

– Так может рассосалось все, – подал я голос робкой надежды. – Металл тонкий. Может это и не алюминий был вовсе, а что-то к биологии чувствительное.

– А бы откуда знаете? Шутите? Это хорошо. Боюсь только всё серьёзнее. Не растборился металл, а разошёлся по тканям.

– Как так разошёлся? Я что теперь, «железный человек»?

– А вот так разошёлся, мелкой пылью по окружающим тканям. Так что не «железный человек», а, простите, «железный зад». Збенеть будете от металлоискателя. Рамки такие быбают, знаете? Пока что бы не феномен, а збонарь. Дальше – будущее покажет. Кстати, о будущем. Сегодня прилетает борт. Так что заботу о нашем будущем и здоровье берет на себя столица. – Он ещё раз развёл руками.

В дверь заглянула дежурная сестра.

– Сергей Макарович, тут к вам...

– Простите, – мимо сестры, протиснулся широкоплечий мужчина в тёмном костюме и наброшенным на плечи халате.

– Добрый день, Сергей Макарович, – поздоровался он вежливо, – вот мои документы. Только вот прибыли и значит сразу к вам...

Макарычу было продемонстрировано удостоверение и передана тонкая папка с несколькими листиками бумаги.

В дверях показался другой посетитель, поменьше габаритами, но в такой же униформе, как и первый. Он что-то зашептал сестре, увлекая её от двери в коридор.

– Ну что же, что же, добро пожаловать в мой кабинет. Кстати, вот и пациент, Базилий, – он кивнул в мою сторону, – как говорится в целостности и сохранности.

– Привет, – мужчина сделал неопределённый жест рукой и, взяв под руку Макарыча, повернул его в сторону выхода. По-моему, он мог просто его подхватить и пронести до самого кабинета, особо при этом не напрягаясь. Судя по быстроте покиданная помещения, отчасти так и было.

Оставшись в одиночестве, я стал размышлять о новом повороте в судьбе. Что-то мне он начал внушать опасения.

Объект исследований

Мои размышления были прерваны дежурной сестрой. В руке она держала уже готовый к использованию шприц. Быстро наклонившись ко мне, она с каменным выражением лица вонзила в меня иголку.

– Успокоительное, перед полётом. – Произнесла она скороговоркой.

В себя я пришёл уже в другом, незнакомом мне помещении. Разгадка местоположения была отчасти решена неожиданно появившемся человеком в белом халате. Он поздравил меня с благополучным прибытием, поинтересовался самочувствием и, записав что-то в блокноте, исчез также быстро, как и появился.

Судя по всему, во время перевозки и полёта я был сильно «успокоен» тем самым уколом.

Самое интересное, что боль и жжение пятой точки полностью отступили и я сделал попытку сесть на край кровати. Получилось почти без проблем, но нижняя часть была словно деревянной. Очень хотелось верить, что эта нечувствительность была вызвана только лишь моей долгой неподвижностью. Я решил сделать перерыв в функциональном восстановлении и снова улёгся, но теперь уже на спину.

В этот момент в помещение ворвалась группа «беляков» – людей в белых халатах. Не особенно обращая на меня внимания, они начали между собой разговор, упоминая обо мне термином пациент. Группа состояла из трёх человек, одного солидного и пожилого дядьки и двух гораздо помоложе коллег. Прервав мои только начавшиеся наблюдения, один из молодых повернулся ко мне и начал расспрашивать «что же со мною произошло».

Удовольствия мой рассказ в стиле «упал, очнулся – гипс» у него не вызвал.

– Вы же понимаете, – начинал давить он, – что, чем подробнее мы узнаем обстоятельства, тем точнее сможем подобрать лечение, которое поставит тебя на ноги.

Я отвечал, что ещё пара-тройка дней такого «лечения» и на ноги стану я сам. Судя по выражению лиц, продолжать такой разговор им расхотелось. Группа тут же потеряла ко мне интерес. Пошушукавшись между собой, они степенно прошествовали к выходу. Но в одиночестве я оставался недолго. Вторую компанию группой уже было не назвать, их было всего двое, незнакомых мне посетителей. Но речь снова пошла об одном и том же – об обстоятельствах во всех подробностях. Выслушав мой краткий рассказ, отрепетированный мной ещё на первых посетителях, они покивали головами, что-то чиркнули в блокнотах и покинули помещение.

Мне это все стало категорически не нравиться. Мало того, что я содержался в неведении ни о месте пребывания, ни о лечении, так ещё и превратился в обитателя зоопарка, к которому будут навеваться все сотрудники этого заведения с характерным для посетителей зоопарка поведением. Ни здрасте тебе ни до свиданья, не говоря уж об элементарной вежливости в разговоре. Кто они вообще такие? Мало ли тут в белых халатах кто ходит. Может они тут красят, белят... Короче, к приходу третьей группы я уже морально подготовился. И они таки явились!

Вот тут я им все и вывалил, и про приём, и про их поведение, и про отсутствие кормёжки в конце концов. Надо сказать, что мой спич не произвёл никакого впечатления. Мне ответили, что эти вопросы не в их компетенции, а вот именно они явились расспросить об обстоятельствах...

Почему-то мне показалось, что они издеваются. Я не выдержал и отправил их в пешее эротическое путешествие, добавив напоследок, что разговаривать буду только после появления компетентной личности с соответствующими разъяснениями.

Кое-какое действие такой разговор возымел. Мне принесли серого вида овсянку, сваренную похоже на воде, два подсохших ломтя белого хлеба и подозрительно пахнувший чай. Настроение моё упало вообще ниже плинтуса.

Однако имелось и дальнейшее продолжение, которое не замедлило себя ждать. Вошедший в палату человек имел косвенное отношение к медицине, о чём свидетельствовал наброшенный халат на цивильную одежду. Было ещё нечто во внешности, что делало несомненным понятие “сохранить жизнь и здоровье” и этого человека. Может быть взгляд. Безразличный, но одновременно цепкий, как репейник, взгляд водянистых глаз. А ещё движения. Движения слишком уверенного в своей власти наместника. Ну не хозяина же? Все это производило одновременно и неприятное впечатление, и ощущение опасности, которая, казалось, пропитывала атмосферу вокруг него.

Последовавший разговор только укрепил эти чувства. Развернув в мою сторону один из колченогих стульев и, выдержав паузу, он начал беседу в лучших традициях этого заведения, без приветствия и представления.

– На вас жалуются сотрудники.

Снова пауза, сопровождающаяся прямым немигающим взглядом.

– Препятствуете работе, не идёте на сотрудничество.

Опять пауза. На этот раз затянувшаяся. Наверное, предполагалось, что я должен оправдываться.

– Здравствуйте. – попытался я перевести разговор в другое русло.

Повисло молчание, нарушать которое никто не намеревался. Я представил себе визитёра как “агента Смита”, снявшего очки и накинувшего белый халат. Это мне показалось забавным. По-видимому, на моем лице что-то промелькнуло, на лице “Смита” промелькнуло тень удивления, и он решил ударить всеми своими козырями.

– Может вы чего-то не понимаете, – начал он вкрадчиво, – но здесь не то место, где будут с вами нянчиться. Не зависимо от вашего желания, мы сделаем то, что считаем нужным. Не спрашивая на то вашего позволения. Вы потенциально опасны для окружающих и пока мы не установим степень опасности, вам придётся мириться с нашими – он выделил это слово и повторил – нашими условиями.

– Или мы устраним опасность полностью. – помолчав, произнёс он, делая паузы между словами.

– Что это значит? – Удивился я. – Что за ерунда. А как же госпиталь... Продолжение лечения... Кто вы вообще такой?

– Кто я не важно, как не важно и кто остальные. Может быть вы увидите их в первый и последний раз. А будете хорошо себя вести – и меня тоже. А насчёт госпиталя – да, почти угадали, только он очень специальный. И лечение – тут он усмехнулся – соответствующее.

– Ну поведение моё тоже соответствующее. Чего вы в ответ ожидали?

– А вот поведение настоятельно советую изменить. Добиться чего-то или изменить вы ничего не сможете, а испортить отношения – запросто. Сколько вы тут пробудете – неизвестно. В каких условиях – вам выбирать. Я все сказал.

С этими словами “Смит” встал и не прощаясь вышел, оставив после себя стоящий посреди комнаты стул и сложное чувство. Даже гамму чувств. От услышанного, мои мысли спутались. Я просто не мог поверить, что такое вообще возможно и происходит именно со мной. Уверенный в непогрешимости страны, в которой я живу, я, похоже, стал её лабораторным экспонатом, со всеми вытекающими.

О какой опасности говорил этот кретин? Не давала покоя мысль о реальных последствиях прошлого сна. Может быть дело в том, что я мог влиять окружающий мир и этот факт каким-то образом стал “им” известен? Кому им? Да и мог ли влиять в действительности? Вопросы плодились как мартовские зайцы. В душе клокотала обида и в голову лезли мысли о мести непонятно кому, но вполне осознано за что.

Вечер завершился процедурами – уколом и горстью таблеток, которые я принял не рыпаясь. Ночь прошла тревожно и без приключений. Возникло даже ощущение – а не приснились

ли мне прошлые приключения? Ведь колют всякую дрянь, противопоказания у каждого лекарства тоже будь здоров. Все это почище наркоты приходы может дать. Тот факт, что я нахожусь неизвестно где и окружающие меня – неизвестно кто, имел своеобразное психологическое воздействие и не добавлял определённости в привязке к действительности.

Размышления оказались затруднительны для меня и я, не заметил, как снова заснул. Точнее сказать, погрузился в состояние, близкое к дремоте, когда переход между явью и сном не очевиден, а само сновидение – это продолжение реальности.

Мезенцев

Майор Мезенцев аккуратно затворил за собой дверь и, с чувством завершённой работы, чётким уверенным шагом двинулся по коридору. Чувств он никаких не испытывал, они успели притупиться за годы службы. Даже удовлетворения от выполненной работы, как такового, не было, слишком мелким и простым было порученное ему дело. Сложностей в выполнении не могло быть в принципе, слишком разные весовые категории. Профессионал своего дела, всецело себя посвятивший контрразведке, супротив какого-то пацана. Это просто избиение младенца. О каких весовых категориях может вообще идти речь? Майор даже остановился, неприятно поражённый этой мыслью. “Разве это работа? Мальчишек пугать. Боже мой, в кого я превращаюсь! Тоже мне, нашли пугало!” – майор сплюнул и еще решительнее зашагал дальше. Сотрудники, попадавшие ему навстречу, съёживались и прижимались к стенам, иные попросту сворачивали в сторону, делая вид, что спешат по неотложным делам. Конечным пунктом воинственного демарша майора был кабинет со скромной табличкой “Профессор Хапцов А.М.”. Пройдя несколько дверей и турникетов, зеленоглазо плачущих пластиковому пропуску столь важного должностного лица, майор без стука вошёл к хозяину кабинета.

– Андрей Михайлович, докладываю, что ваше поручение выполнил. – С ходу начал Мезенцев, – Какие будут дальнейшие указания?

Несмотря на свои эмоции, майор был прежде всего человеком долга, бесстрастно выполнявшим свою работу.

Профессор поперхнулся горячим чаем, чуть не выронив из рук массивный серебряный подстаканник, который блаженно только что подносил ко рту, прикрыв глаза и блаженно вдыхая волшебный аромат настоящего китайского сбора.

Работы в полевых условиях, коими именовались военные объекты испытаний, его изрядно утомили, поэтому сейчас он в полной мере черпал комфорт своих, ставших чуть ли не родными стен. Кроме того, негативные события последних дней, связанные с аварией на объекте, в которой он чудом не пострадал, стали большим комком дёгтя, загадившим светлые горизонты науки и карьеры профессора.

– Проходите, проходите, что же вы стали в дверях? Может быть чаю? – Профессор напрочь забыл имя этого сотрудника безопасности, приданного ему для исполнения деликатного поручения.

– Нет, спасибо. Служба знаете ли, дел не в проворот.

– Ну да, ну да, понимаю... Как всё прошло? Как вы считаете, насколько стал подготовлен наш пациент?

– Штатно. О степени психологического воздействия ничего сказать не могу, у вас есть на то квалифицированные специалисты. – майор не хотел распространяться по поводу непонятного для него поручения, но свой профессионализм все же подчеркнул. – Если бы речь шла о вербовке, то после ещё одной или пары встреч он был бы полностью подконтролен. Но, как я правильно вас понял, этого как раз не требуется.

– Абсолютно правильно поняли! – всплеснул руками профессор. Он выбежал из стола, переходя к заключительной фазе разговора: – Огромное спасибо за содействие. Я могу рассчитывать на продолжение сотрудничества? Обстоятельства, знаете ли, могут по-разному сложиться...

– Это не ко мне. На все воля моего начальства. – сухо подвёл черту разговора майор, выделив слово “моего”.

– Ну что же, понимаю, понимаю. Ещё раз огромное спасибо, вы нам очень помогли. – профессор потряс руку майора. – передавайте привет Николаю Ивановичу...

– Петровичу. – Машинально поправил Мезенцев, выходя из кабинета.

Постояв около закрытой за собой двери, майор хмыкнул: “Волонтарист.” И пошагал на доклад к начальству. Ему по долгу службы была известна информация о профессоре в более широком объёме, чем тот мог себе представить.

Профессор

Профессор хорошо слышал последние слова Мезенцева, но ему это было безразлично. “Обыкновенные солдафоны, сегодня один, завтра другой, они и форму одинаковую носят, чтобы различий не было. Безразличные безликие люди... Какое мне дело до этой тупой obsługi? Понаставили турникетов, сделали пропускную систему – все в шпионов играют. Волю дай – в сортир без бумажки с печатью не пустят, а потом не выпустят. А если в сортире бумаги нет!?”. Кстати, несмотря на приличное финансирование, такой факт в институте имел место от случая к случаю быть. Последняя мысль профессора позабавила, и он выкинул из головы майора и его трудно запоминаемое начальство.

“Ну что же, если я все правильно рассчитал, не сегодня – завтра следует ждать событий. Камера подготовлена. Сегодня вечером надо дать распоряжение на её включение,” – профессор довольно потёр руки. Хитрый план, самолично задуманный им, начал осуществляться. “Плохо, что ни на кого нельзя положиться. Всё сам, всё сам. Даже Егор стал всего лишь винтиком в механизме задуманных событий.” Сомнения в Егоре всё-таки были. “Игра в тёмную” могла пойти совершенно непредсказуемо и тогда...

Думать о том, что может пойти не так, профессор не хотел, а вот планы на будущее его завораживали. “В конце концов, что я теряю? Если я просчитался с Егором или этот солдафон оказался не так хорош или ещё какая причина, то что произойдёт? Ровным счётом ничего не произойдёт. А сейчас ничего и не происходит. Но, если расчёт был верен и не будет никаких случайностей, то тогда... Тогда наука пойдёт совсем другим путём. Подумать только – выход в другие миры! Реально существующий выход! Одно дело – вести изыскания во тьме, наобум, когда тебе не верят, а исследования считают шарлатанством и каждую копейку приходится выклянчивать и унижаться! А тут – свет в конце туннеля! Уверенность, субсидии, гранты, перспектива! Космос, лунная программа, полёты к Марсу – мелкотня. Контакты, новые технологии – вот прогресс!” – профессор чувствовал себя флибустьером, попавшим на остров сокровищ. Азарт открытий светил, как путеводная звезда. Немаловажное значение также имело подсушивание профессорской репутации, подмоченной последними неудачами на военном объекте. Впрочем, он гнал от себя такие досадные мысли, слишком приземлённые в сравнении с великими целями.

Совершенно некстати мечты профессора перебил телефон. Звонили с проходной и спрашивали насчёт провоза оборудования.

– Какое ещё оборудование? Кто привёз? – мысли Андрея Михайловича витали ещё далеко и понять, что от него хотят эти грешные он сразу не мог.

– В документах получателем значится Хапцов А.М. Вы Хапцов? – Голос на другом конце провода был настырен и даже груб.

– Да, Хапцов Андрей Михайлович это я.

– Ну вот, значит и оборудование ваше. Чего вы мне голову морочите?

– А чего вы спрашиваете, если в документах всё чётко написано. – Профессор перестал витать в облаках и вспомнил о подобном заказе. Вот только доставка там вроде как на неделю позже должна быть.

– У меня инструкция. Вам её тоже должны были довести. Так есть у вас заказ на это оборудование или нет?

– Есть, есть конечно. Сейчас мой помощник принесёт вам перечень. – Профессор поморщился, как от зубной боли – он прекрасно знал эту инструкцию, появившуюся с новым начальником службы безопасности, тупым бюрократом и конспирологом, но побороть её был не в силах ни он, ни даже учёный совет, потому как любая администрация гораздо выше по статусу всех тех, ради кого она работает.

Не успел он положить трубку, как снова зазвонил телефон. Со словами: «Что за день такой, как на телефонной станции сижу» – профессор взял трубку:

– Добрый день, Андрей Михайлович, – голос с лёгким акцентом говорил вежливо, но в то же время уверенно.

Хапцов сразу понял откуда звонок. Впрочем, это сразу же подтвердил тот же голос. С этой фирмой его связали давние отношения, связанные с закупками лабораторного оборудования, которое в нашей стране уже исчезло из производства. Вот и сейчас звонок был именно по этому поводу.

– Андрей Михайлович, вышла небольшая накладка. Оборудование по нашему договору только что прибыло, и я, понимая его важность для вас и вашей работы, осмелился сразу же отправить его к вам, не успев вас предупредить об этом. Надеюсь это не принесло вам лишних хлопот? Нет? Только что подъехали? Молодцы какие. Тогда вам ещё и бонус – пара грузчиков нашей компании быстро и качественно выполнят разгрузку в удобное для вас место, выполняя все инструкции по безопасности, разумеется. Что вы говорите? Несколько инженеров вполне справятся с этой задачей? Ха-ха, хорошая шутка. Не шутка? Нет? Что вы, мы ценим труд ваших квалифицированных специалистов. Не беспокойтесь, всё абсолютно бесплатно, бонус. Вот и ладно! Диктую паспортные данные...

Встреча с Егором

Новое состояние уже перестало меня пугать. Двигаться было легко, это было ощущение скорее полёта, чем передвижения пешком. Но что же я представлял собой в таком случае? Габариты я свои ощущал, но и только! Весь мир был виден от первого лица, но словно через объектив видеокамеры. Посмотреть на ноги или увидеть руки я не мог. Если я пытался поднять стул, то он действительно подымался, но делал это сам! Я чувствовал, как держу его, наклоняю, даже переворачиваю без проблем, хотя руки должны были переплестись и мешать друг дружке. Оставив стул в покое, я задумался о зеркале, отражение в нём дало бы простой и ясный ответ. Стоило только распахнуть дверцы шкафа, чтобы убедиться, что кроме пары вешалок там ничего нет. Остаётся последний вариант – санузел. Зато почти стопроцентный. Проблема с входной дверью решилась неожиданно просто, её даже не пришлось открывать. Похоже, для меня такие мелкие препятствия вообще не существовали. Коридорчик, открывшийся сразу за дверью, был коротковат, всего три – четыре двери, за которыми скрывались палаты, наверняка подобные моей. Пятой дверью и было искомое помещение, одно на всех. Замешкавшись перед дверью, я спросил себя: «Точно ли я хочу видеть то, что могу увидеть?» Так и не определившись с ответом, просто шагнул за дверь. Действительно, над рукомоиником висело облезлое и покрытое пылью зеркало. Ещё ничего не успев сообразить, я сразу же оказался перед ним. В зеркале на меня смотрел Василий, сержант вооружённых сил, в полной форме – в отглаженном с иголочки хэбэ. Почему-то я был уверен, что и начищенные сапоги присутствовали тоже. Видно было мутновато, конечно, но вполне узнаваемо. Я потёр зеркало рукой, то же сделало и отражение. Чем больше я всматривался в глупое выражение лица человека в зеркале, тем больше всё-таки признавал в нём себя. «Бред какой-то,» – единственная здравая мысль которая посетила меня в тот момент. В задумчивости, я выбрался наружу и не заметил, как оказался не только не в своей рекреации, а вообще непонятно где.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.